

ПАМЯТЬ | Шестнадцать лет назад ушел из жизни Владилен Машковцев

Магнитное поле! Магнитки

ВЛАДИЛЕН МАШКОВЦЕВ

Любимой тебя назову

Мир строгостью старой напичкан,
но птахи чирикают с крыши,
но трепетно, каждой ресничкой,
о юности ты говоришь.
И кленов зеленое пламя
вливается в сердце, искрясь.
Не знаю, когда между нами
возникла незримая связь.
Что этого чувства дорожке?
В глазах твоих светлая грусть,
и я в электрической дрожи
к тебе прикоснуться боюсь.
Но солнышка красные струи
пронизуют хмельную траву,
когда я тебя поцелую,
любимой тебя назову.
И ты под весеннюю синюю
уронишь от счастья слезу.
И я через всю Россию
тебя на руках пронесу.

Казацкий дух

Станиславу Куняеву

Казацкий род – ищи его концы,
его исток историкам неведом.
Все казаки – в разбой утеkleцы
по працурам, прабабушкам и дедам.
Сначала уходили от орды
с оружием в заречья, топи, залесь.
Бежали от бояр и от беды,
от гроз Ивана Грозного скрывались.
Росли ватаги, сабельный удар
карал врагов-соседей неустанно.
Они возмездьем стали для татар,
проклятьем для турецкого
султана.

Гори, огонь, гори, пожар твори,
из кремня искру выбило кресало.
И вспоминали с ужасом цари,
как вольница Россию потрясала.
Казацкий дух... откуда он возник,
из возрожденья или из развалин?
В сраженьях и жестокости велик,
в поклоне злоумышлен и коварен.

Магнитное поле

Я рос на далеком Тоболе
и перед ним в долгу...
Попал я в магнитное поле
и вырваться не могу.
Влюблялся я в синее море,
Сибирь мою в крестные брал,
но снова магнитное поле
тянуло меня на Урал.
Магнитное поле улыбки,
магнитов поле труда,
магнитное поле Магнитки
притянет к себе поезда.
Качнет корабли на приколе,
разломит в Антарктике лед...
Магнитки магнитное поле
Россию к себе повернет.

И Волга русская течет

Россия, ты мне жизнь дала,
чтобы во мне всегда звучали
твои тревоги и печали,
твои великие дела.
И, уходя от легких веяний,
я принимаю эту жизнь
за то, что судьбы поколений
во мне бунтующе слились.

Я знаю: мне не будет легче
в твоём труде, в твоей борьбе.
Но в этот век противоречий
цельна любовь моя к тебе.
Не нужно мира мне иного,
Россия, я с тобой окреп.
Пронзительная правда слова
необходима мне, как хлеб.
Друзья, искатели, поэты...
глаза мои, как синь, чисты.
Я не могу пройти по свету
без доброй русской красоты.
Взлетает песня белым лебедем,
журчат уречья ручьи.
И говорят зеленым лепетом
березы русские мои.

Брусничный год

Никто не знает травьего секрета,
но все-таки, наверно, неспроста
брусничный год –
один в четыре лета –
приходит на уральские места.
Когда в тени замаслятся листочки,
сосновый бор умоется дождем.
Четыре года мы готовим бочки,
четыре года ягоды мы ждем.
Брусника солнцем
брызнет в человеке,
вольет в него росу, прохладу, лес...
Когда-то золотом и римляне,
и греки
платили за бруснику: вес – на вес!
Нет ягод этой ягоды полезней,
и верь, примета древняя не врет:
брусничный год –
в округе нет болезней,
брусничный год – старуха не умрет.
Ждет на Урале каждая усадьба,
когда брусника вызреет в бору...
Брусничный год –
счастливой будет свадьба,
Брусничный год –
к богатству и добру!

Жил в Магнитке

мальчишка...

В годы Великой
Отечественной войны
28 магнитогорцев стали
Героями Советского Союза

Мы, как зернышки в жите,
как загадка тропы...
Почему мы, скажите,
не предвидим судьбы!
Жил в Магнитке мальчишка
в мире песен и книг,
был в плечах он не слишком,
ростом был невелик.
И вздыхал под Стожарами,
и, наверно, мечтал
он пойти в сталевары,
плавить синий металл.
В сердце радостно пела
молодая струна...
Но огнем загорела
над Россией война.
Парень был комсомольцем,
рос у всех на виду.
Он ушел добровольцем

в сорок первом году.
Верил собственным силам,
в семнадцать лет
возле сердца хранил он
комсомольский билет.
Сталью грохали пушки
в тополиную грусть.
Но писал он подружке:
жди, родная, вернусь!
Был он весел на марше
у сгоревшей избы...
Ни солдаты, ни маршалы
не предвидят судьбы.
На броске ослепило
от сигнальных ракет.
Злая пуля пробила
комсомольский билет.
На оглохшие вспыхи
и безмолвия гул
обожеженный парнишка,
покачнувшись, шагнул.
Побледневший и вскоченный,
на пустом берегу
он последнюю очередь
дал по врагу.
Под днепровскою крутью
автомат уронил,
но простреленной грудью
страну заслонил.
Над песчаной могилой
то снега, то дожди...
А письмо говорило:
я люблю тебя, жди!
Мы сражаемся, строим,
рождены для борьбы.
Только жаль, что герои
не предвидят судьбы.

Казак и дьявол

Между омутом и бродом,
где земля в тропе узка,
искушеньем-разговором
встретил дьявол казака.
– Эй, казак, продай коня...
дам ячмень для пива, солода.
За коня бочонок золота
ты получишь у меня!
А казак отроил басом:
– Не живу единым квасом
и соблазна не таю,
но коня не продаю!
Дьявол хищно цурит глаз,
что же он, казак, продаст?
– Эй ты, конник-голодрой,
саблю мне свою продай!
– Что ты, спятил, сатана?
Сабля Родиной дана!
Как без сабли быть в бою...
саблю я не продаю!
Дьявол выгнул бровь дугой,
хитро торг завел другой:
– Совесть – это слово, звук...
ты продай мне душу, друг!
А казак в ответ смеется,
чуб заorno вороша:
– Ты ж ведь знаешь, продается
только черная душа!

Имел солдат единственное право

Имеем право! – думаем мы часто,
не говорим о том,
что мы должны...
Но в дисциплине –
зреет государство
и жив еще вчерашний день войны.
Упал солдат
на выжженные травы,
ничком в пороховую коловертъ.
Имел солдат единственное право –
за Родину в атаке умереть.
В тот грозный час
земля огнем вставала
и по жнивью катился вражий вал.
Быть может,
прав солдат имел немало,
но прав других солдат не признавал.
Он видел, как горит родная хата,
как сгорбились
от выстрелов плетни...
И встал солдат
с последней гранатой
у вражеского танка на пути.
Не жаждал он награды
и ратной славы,
над ним в тот миг
не пела трубно медь.
Имел солдат единственное право –
За Родину геройски умереть.

Веселая исповедь

Вновь иду я под гомон птичий
под своею счастливой звездой
непростительно симпатичный,
возмутительно молодой.
Неудачи не мне бояться,
кровь – как хмель и весенний звон,
я на первую же облигацию
выиграю миллион.
Через пропасть пройду по бечевке
и среди городской суеты
тонконогой соседской девчонке
подарю полевые цветы.
Постигаю я мир контрастов,
ждет мой подвиг и взлет земля,
может, выстрелю в государство –
свергну где-нибудь короля.
Впрочем, я человек нормальный,
мне, пожалуй, не надо чудес,
написать бы роман гениальный
и десяток талантливых пьес.
Если сделать, то сделать много,
мир открыть,
сокрушить орду...
предсказать бы народу дорогу,
угадать через время беду.
Будет сердце бешено биться,
будет что-то не по плечу,
но кричащей
огненной птицей
в трудный час над Россией взлечу.
Необычное видя в обычном,
я живу под счастливой звездой –
непростительно симпатичный,
возмутительно молодой ☺

Позта рождает не дар творческого вымысла, а дар одухотворения. Томас Манн